

Новикова С.Ю.

**РОМАН «ПРЕДЕЛ ЗАБВЕНИЯ» (2011) СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА:
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЫМЫСЕЛ[©]**

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, s.y.novikova@spbu.ru*

Аннотация. В статье анализируется поэтика романа Сергея Лебедева (р. 1981) «Предел забвения» (2011). Роман одновременно продолжает и подвергает деконструкции литературную традицию т.н. «постсоветской хонтологии» (А. Эткинд), в рамках которой культурная память о сталинском терроре проявляет себя в изображении призраков и других фантомных существ. Доказывается, что создаваемый в романе авторский миф служит осмыслению исторической травмы сталинских репрессий и указывает на путь преодоления этой травмы.

Ключевые слова: русская литература; историческая память; хонтология; мифопоэтика; сталинский террор.

Поступила: 01.05.2021

Принята к печати: 31.05.2021

Novikova S.Y.

“Oblivion” (2011) by Sergej Lebedev: biographical fact and fiction[©]

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia, s.y.novikova@spbu.ru*

Abstract. This article attempts to analyze the poetical manner of the novel “Oblivion” (*Predel zabveniya*, 2011, Engl. – 2016) of Sergey Lebedev (b. 1981). This work is set to continue and, at the same time, deconstruct the literary tradition of “Post-Soviet Hauntology” (Alexander Etkind), where the cultural memory of Stalinist terror is

[©] Новикова С.Ю., 2021

[©] Novikova S.Y., 2021

presented by depiction of ghosts and spirits. It is suggested, that by means of creating of the author's myth the historical trauma of repressions is reflected upon, and the ways of working through the past are demonstrated.

Keywords: Russian literature; historical memory; hauntology; mythopoetics; Stalinist terror.

Received: 01.05.2021

Accepted: 31.05.2021

Введение

Дебютный роман отечественного журналиста и прозаика Сергея Лебедева (р. 1981) «Предел забвения» (2011), вошедший в год своей публикации в длинные списки национальной литературной премии «Большая книга» и всероссийской литературной премии «Национальный бестселлер», занимает в постсоветской литературе особое место. Из внушительного ряда произведений, исследующих пересечения семейной истории с историей страны в XX в., книгу выделяет нехарактерный фокус повествования. В центр помещается фигура родственника, причастного к политическим репрессиям в годы сталинского правления. Роман, если воспользоваться формулировкой Алейды Ассман, осуществляет отчетливый перформативный разрыв [Ассман, 2019, с. 419] между двумя поколениями – внуков и дедов.

В основу произведения, открывающего романную тетралогию, посвященную истории семьи (другие ее романы: «Год кометы», 2014; «Люди августа», 2016; «Гусь Фриц», 2018), легли реальные факты биографии писателя. Его неродной дед (второй муж бабушки), начавший службу в пятнадцать лет в частях особого назначения Красной армии (ЧОН), был задействован в мероприятиях по принудительному изъятию зерна у крестьян. В дальнейшем он работал в органах государственной безопасности и дослужился до звания подполковника ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ. В 1937 г. получил орден Ленина. В 1954 г. вышел в отставку с должности начальника управления исправительно-трудовых лагерей Горьковской области, входивших в систему ГУЛАГа. Информация о прошлом деда, принимавшего непосредственное участие в массовых репрессиях, в семье скрывалась. Случайное знакомство с ней стало для писателя шокирующим открытием [Лебедев, 2016].

Факты семейной истории осмысляются в «Пределе забвения» не аналитическими методами, которые подразумевает труд историка и работа с архивными документами. Они оказываются отправной точкой для автобиографического вымысла. Ощущение, что под спокойным покровом быта родной семьи залегают, если воспользоваться словами рассказчика другого романа С. Лебедева, «тектонически активные пласты, пропитанные отнюдь не символической кровью» [Лебедев, 2014, с. 27], с детства не дает герою-повествователю покоя. Вырастая, внук постепенно подбирается к тайне, которую скрывает прошлое его неродного деда.

Действие переносится в 1930-е гг., в места, знакомые писателю по его работе геологом в экспедициях на Полярном и Приполярном Урале. «Второй дед», как называет рассказчик своего предка, работает начальником лагеря, заключенные которого трудятся на урановом месторождении. В подведомственное ему учреждение прибывают раскулаченные крестьяне. По приказу деда они оказываются высланы без продовольствия на речной необитаемый остров, где большинство из них вскоре умирает. По мнению исследователя мемориальной культуры Н. Эппле, в описанных событиях нашел творческое переосмысление реальный исторический эпизод – т.н. Назинская трагедия [Эппле, 2020, с. 384]¹. Весной-осенью 1933 г. в рамках депортационной кампании, направленной на борьбу с т.н. социально вредными элементами, на остров реки Обь в Александровском районе (современная территория Томской области) были высажены и оставлены без жилья, пищи и инструментов более шести тысяч человек. Четверть ссыльных погибла менее чем за месяц. Имели место убийства и десятки подтвержденных документами случаев каннибализма. Территория получила среди ссыльных наименование «Остров смерти» [1933 год, 2002, с. 7].

«Предел забвения» в России оказался практически обойден вниманием литературоведов за исключением нескольких работ [Жербер, Эртнер, 2018; Gerber, 2019]. Большого литературоведческого внимания книга, переведенная более чем на десять языков,

¹ Участниками Назинской трагедии стали т.н. деклассированные элементы и преступники-рецидивисты, прибывшие из Москвы и Санкт-Петербурга [1933 год, 2002, с. 12]. Однако освоение территорий Западной Сибири осуществлялось в 1930-е большей частью за счет крестьян, подвергнутых насильственной коллективизации.

удостоилась за рубежом [Frieß, 2017; Heinritz, 2017; Lunde, 2020; Jandl, 2020; Urupin, Zhukova, 2020]¹. Исследователи изучают роман в контексте темы исторической памяти, фокусируясь на отражениях исторической травмы² в литературе последующих поколений [Lunde, 2020; Jandl, 2020], межпоколенческой проблематике [Jandl, 2020; Urupin, Zhukova, 2020], традициях т.н. «лагерной прозы» [Frieß, 2017; Жербер, Эртнер, 2018]. В данной работе роман рассматривается в первую очередь как одно из редких в контексте постсоветской литературы свидетельств аксиологического осмысления семейной памяти, а также как произведение, в котором художественное освоение травмы сталинских репрессий осуществляется мифопоэтическими средствами.

Роман как способ преодоления прошлого

«Предел забвения», по мнению Н. Эппле, оказывается актом «художественной проработки» прошлого на уровне собственной семьи [Эппле, 2020, с. 383]. Исследователь апеллирует здесь к понятию «преодоления прошлого» или «проработки прошлого» (*Vergangenheitsbewältigung*), ключевому для немецкой общественной дискуссии, касающейся исторического прошлого Германии XX в. Процесс проработки подразумевает признание исторического наследия, в том числе и связанного с преступлениями, а также принятие на себя ответственности за него [там же, с. 374]. Другие примеры подобной работы с семейным наследием, касающимся периода сталинских репрессий, находятся, как показывает исследование, вне области художественной словесности. Эппле указывает, в частности, на случай основателя Издательского дома

¹ Проза Сергея Лебедева переведена более чем на 20 языков. Его нередко называют одним из самых переводимых в Европе русских прозаиков [Сергей Лебедев ... , 2021].

² Содержание этого понятия, восходящего к наблюдениям З. Фрейда над феноменом психической травмы, изучается в рамках междисциплинарного исследовательского направления *trauma studies* (исследования травмы). Термин «историческая травма», экстраполирующий идею травматического события на исторические реалии, появился в рамках направления в 1990-х гг. в работах Ш. Фелман, Д. Лауб, К. Карут [Felman, Laub, 1992; Caruth, 1996]. Подробнее см. [Соколова, 2016, с. 7–21].

«Коммерсантъ» Владимира Яковлева, выступившего с публичным признанием в том, что его бабушка в советское время была профессиональным агентом-provokatorом, писавшим донесения на знакомых, а мебель в его доме была привезена со склада имущества, изъятого из квартир расстрелянных во времена Большого террора москвичей [Эппле, 2020, с. 386].

В контексте европейской литературы «Предел забвения», если учесть разницу в художественном масштабе двух произведений, по проблематике можно сопоставить с романом Петера Эстерхази (1950–2016) «Исправленное издание. Приложение к роману “*Harmonia caelestis*”» (2002, рус. пер. – 2008). В нем перед читателем разворачивается драматическая история знакомства писателя с прошлым отца, завербованного после т.н. Венгерской революции 1956 г. органами госбезопасности в качестве осведомителя и писавшего доносы на родственников и близких знакомых.

Более отдаленный по времени, однако, вероятно, более точный материал для типологического сопоставления дает немецкая литература. Центральная тема «Предела забвения» заставляет вспомнить о таком феномене 1960–1980-х гг., как «литература об отцах» (*Väterliteratur*). Конфликт с поколением отцов – властных тиранов, несущих ответственность за национал-социалистическое прошлое страны, превращается в это время в одну из ведущих тем автобиографической литературы на немецком языке. «Книги ненависти» (*Hassbücher*) – такое определение историк жанра автобиографии М. Хольденрид присваивает целому ряду автобиографических произведений 1970-х гг. [Holdenried, 2000, S. 254]. В произведениях Петера Хертлинга (Peter Härtling) (р. 1933), Элизабет Плессен (Elisabeth Plessen) (р. 1944), Бернварда Веспера (Bernward Vesper) (1938–1971) и других авторов тема раскрывается как на уровне личной истории, так и на уровне конфликта с поколением, виновным в национал-социалистической катастрофе.

В очерке «От “отцовской литературы” к “семейному роману”», вошедшем в книгу «Забвение истории – одержимость историей» (1999, рус. пер. – 2019), Алейда Ассман описывает смену жанровой парадигмы в литературе, осмысляющей исторические травмы Германии. «Отцовская литература», согласно Ассман, была сфокусирована исключительно на «дуальной модели поколений» и «линии разлома», проходящей между ними [Ассман, 2019, с. 418].

Однако по мере удаления от событий Второй мировой войны и Холокоста на смену литературе об отцах приходят поколенческие и семейные романы. Резкое противопоставление себя родительскому поколению сменяет мотив преемственности, попытки интеграции собственной личности в контекст семьи и истории. Изменяется и способ работы с прошлым: в семейном романе поиск идентичности оказывается куда более тесно, чем в «отцовской литературе», связан с исследовательской работой, поисками в архивах.

Постсоветская литература не испытывает недостатка в произведениях второго из названных типов. Жанр семейного романа, где «я» осмысляет себя как часть истории семьи и одновременно часть большой истории, представлен произведениями Л. Улицкой, Д. Рубиной, А. Чудакова и др. В качестве одного из наиболее заметных примеров недавнего времени может быть назван роман «Памяти памяти» (2017) Марии Степановой (р. 1972). Однако едва ли в постсоветской литературе отыщутся примеры, близкие традиции немецкой «отцовской литературы».

Схожая проблематика задана в заглавии автобиографии диссидента Владимира Гусарова (1925–1995) «Мой папа убил Михоэlsa» (1970, первое издание – Франфурт-на-Майне, 1978). Однако конфликт с отцом, в 1947–1950 гг. работавшим первым секретарем белорусского ЦК, предстает в ней лишь как часть конфликта с политической системой в целом [Урицкий, 2009, с. 231]. Близка этой традиции готовящаяся к публикации в издательстве «Новое литературное обозрение» книга писателя, православного священника Владимира Зелинского (р. 1942) «Разговор с отцом» (2021). В центр полудокументального повествования, представляющего нелегкий заочный диалог между представителями двух поколений, помещается фигура литературного критика Корнелия Зелинского (1896–1970), известного советского литературоведа, причастного к гонениям на деятелей искусства (Б. Пастернака, Вяч. Вс. Иванова и др.). Однако если названные книги оказываются ближе к мемуарному жанру, то «Предел забвения» реконструирует имеющий биографическую подоплеку конфликт поколений внутри одной семьи в рамках художественного произведения¹.

¹Здесь можно вспомнить и автобиографическую повесть Павла Санаева (р. 1969) «Похороните меня за плинтусом» (1996). Однако межпоколенческий

«Предел забвения» и традиция «постсоветской хонтологии»

В статье «Родина-жуть» (2008), посвященной балладной поэзии Марии Степановой, М. Липовецкий, ссылаясь на наблюдения других исследователей, указывает на то, что незавершенный процесс проработки травматических эпизодов советского прошлого, в особенности эпохи сталинизма, оказывается тесно связан с появлением на страницах современной литературы большого количества макабрических образов. Память о жертвах ушедшей эпохи, в отношении которой так и не было достигнуто общественного консенсуса¹, возвращается в литературу в виде монстров и вампиров в логике фрейдовского понятия «жуткое» (*Unheimlich*). С его помощью философ в одноименной работе (*Das Unheimliche*, 1919) описывает чувство ужаса, вызванное встречей индивида с его собственным вытесненным, репрессированным опытом. По замечанию Липовецкого, фрейдовское «жуткое» – это «не страх чужого, а ужас перед своим» [Липовецкий, 2008, с. 251].

Наиболее полно проблема взаимосвязи этого образного ряда с осмыслением исторических травм XX в. разработана в главе «Постсоветская хонтология» исследования «Кривое горе. Память о непогребенных» (2013, рус. пер. – 2018) А. Эткинды. В названии автор апеллирует к понятию хонтологии (*hauntology*), предложенному Жаком Деррида в работе «Призраки Маркса» (*Spectres de Marx*, 1993) с целью описать бытование идеи коммунизма в европейской культуре – одновременно существующей и не существующей. Термин используется А. Эткиндо в более широком культурном контексте. Исследователь говорит об особой форме культурной памяти, проявляющей себя в постсоветской культуре. Образы призраков, духов, вампиров и мертвецов в постсоветском кинематографе (в фильмах Т. Абуладзе, К. Шахназарова, И. Хржа-

конфликт в ней описан скорее в бытовой плоскости, без широкого исторического контекста.

¹ 15 августа 2015 г. распоряжением правительства РФ была утверждена «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий» [Концепция, 2015], действующая до 2024 г. Однако отношение к теме сталинских репрессий до сих пор вызывает ожесточенные дискуссии и составляет предмет т.н. «войн памяти» в российском обществе [Эппле, 2020, с. 76–80].

новского) и на страницах литературных произведений (Ю. Мамлеева, В. Сорокина, В. Шарова, В. Пелевина) метонимическим способом манифестируют память о жертвах репрессий.

Для литературы, осмысляющей память о прошлом подобным образом, исследователь предлагает специальный термин – «магический историзм» [Эткинд, 2018, с. 295], по аналогии с достигшим расцвета в литературе стран Латинской Америки 1960–1970-х гг. магическим реализмом. Названные направления объединяет острая социальная критика общества и осознанное включение элементов магии в романную картину мира. Отличие кроется в том, что для постсоветской литературной традиции «магического историзма» оказываются не релевантны традиции реалистического романа. «Постсоветский роман не имитирует социальную реальность и не конкурирует с психологическим романом – он имитирует историю и борется с ней» [там же, с. 295]. Введение в повествование элементов магии позволяет авторам осмыслить исторические события, трудно постижимые рациональными способами. При этом работа по осмыслению исторической травмы совершается в этих произведениях, как полагает А. Эткинд, в логике фрейдовской меланхолии, описанной в работе «Скорбь и меланхолия» (*Trauer und Melancholie*, 1917). В отличие от здорового горя, она ведет лишь к навязчивому созерцанию и воспроизведению прошлого и разрыву контакта с настоящим [там же, с. 309].

Впервые роман «Предел забвения» связывается с традицией «постсоветской хонтологии» и литературой «магического историзма» в статье А. Хейнритц [Heinritz, 2017], а затем и в работах других исследователей [Lunde, 2020; Jandl, 2020]. А. Хейнритц при этом говорит об «опосредованном магическом историзме» (*mediated magical historicism*) у Лебедева. Магические элементы вводятся не непосредственно в мир персонажей, а возникают на эпистемологическом уровне: в восприятии реальности героем-рассказчиком (в его снах, видениях), в его описании событий [Heinritz, 2017, р. 65–66]. Особая чувствительность, проявляющаяся с детства, позволяет ему разглядеть за явлениями реальной жизни духов и призраков прошлого [Heinritz, 2017, р. 73].

Второй дед в романе предстает «мертвецом», который «рассоединен с миром живых» [Лебедев, 2011, с. 47], лишен способности чувствовать. Умерев, дед не умирает до конца и продолжает

наблюдать за героем из небытия (эту цитату не обходит вниманием ни один из исследователей романа): «На старом, трухлявом пне я увидел мучнистый, складчатый, похожий на заплывшее жиром ухо древесный гриб. Ухо – подземный мир слушал, он был здесь, я только не распознал его в сквозящих солнцем приметах дня. <...> Второй дед не отпустил меня» [Лебедев, 2011, с. 84]. В повествовании возникают полуфантомные образы людоедов. Сами репрессии в романе осмысляются в терминах «социального каннибализма» – образа, впервые вошедшего в русскую культуру благодаря А.И. Герцену [Вьюгин, 2014, с. 50]. Герой-рассказчик причисляет к антропофагам и себя. По его словам, съев рыбу из реки, размывшей лагерное кладбище, в каннибалов превращаются все, кто прикасался к воде, в которой «растворены умершие» [Лебедев, 2011, с. 15].

На страницах романа появляются многочисленные фантазмагорические образы природы, вобравшей в себя смерть и насилие. Подробно их анализ представлен в статье Ж. Жербер и Е.Н. Эртнер [Жербер, Эртнер, 2018]. Апофеозом подобных картин выступает ландшафт острова мертвых – репрезентация своего рода *locus terribilis* (топоса «ужасного места»), противоположного древнейшему топосу европейской литературы *locus amoenus* (топосу «преlestного уголка», идеального места на лоне природы) [Курциус, 2021, с. 311–316]. На полной трупов животных безлюдной земле герой обнаруживает промоину-воронку, подбираясь к которой чувствует, как оттаивают в холоде «запахи-призраки, запахи-мертвецы» [Лебедев, 2011, с. 269]. В воронке в вечной мерзлоте сохранились нетленными тела погибших по вине деда ссыльных.

С нашей точки зрения, романное повествование в «Пределе забвения» само «осознает» и раскрывает свою «хонтологическую» природу. Дачный поселок, где проходит детство героя, окружен легендами о пропавших в этих местах мальчиках: «эти мнимые мертвецы были “прописаны” в дачной топографии, как языческие духи озер и лесов» [Лебедев, 2011, с. 66]. На поверку эти слухи оказывались обманом, который, по словам рассказчика, «неожиданно высвечивал область правды» [Лебедев, 2011, с. 66]. Ремарка повествователя указывает на связь городского фольклора с памятью об исторических травмах, давно ставшую предметом внимания антропологов. Терапевтическая роль городских легенд, затрагивающих дискомфортные общественные темы (в том числе и замалчивав-

шуюся тему репрессий) и помогающих социуму избавляться от накопившейся тревоги, подробно освещается, в частности, в исследовании А.С. Архиповой и А.А. Кирзюк [Архипова, 2020].

Эта посредническая функция городского фольклора (слухов и легенд) в передаче правды о репрессиях неоднократно подчеркивается в романе. В одном из населенных пунктов, куда прибывает герой, вокруг особого, «проклятого» места циркулируют слухи о гибели целого этапа – нескольких сот арестантов, замерзших в сороковые годы в пургу по пути на урановые прииски. На страницах романа слышны отголоски городской легенды о черной машине, непосредственно связанной с долгое время табуированной памятью о временах Большого террора [Архипова, Кирзюк, 2020, с. 375–380]¹. Под городской слух стилизуется рассказ о том, как в 1980-е гг. в Министерство геологии обратился с рациональным предложением некий вышедший на пенсию специалист по бурению, предлагая превратить неиспользуемые скважины в кладбища, вертикально опуская в них тела покойников.

Концентрация слов, относящихся к семантическому полю с доминантой «нечто неживое» («призрак», «дух» и т.д.), в романе предельно велика. Призраки и мертвецы буквально «перенаселяют» его пространство. Нагромождение подобных образов носит утрированный, почти гротескный характер. Названная линия достигает в романе, таким образом, своего предела, невольно подводя к вопросу об исчерпанности традиции «постсоветской хонтологии» в разработке темы репрессий.

Авторский миф в романе

Неомифологическое сознание называется многими исследователями характерной особенностью литературы XX в. Е.М. Мелетинский в «Поэтике мифа» (1976) говорит о мифологизме как художественном приеме и, одновременно, как о проступающем за этим приемом характерном мироощущении в литературе этого столетия [Мелетинский, 2000, с. 295]. В «Словаре культуры XX века» В. Руднев называет неомифологическое сознание одной из главных примет культурного менталитета века, указывая на рас-

¹ Один из многочисленных сюжетных вариантов этой легенды воспроизводится в другом романе С. Лебедева – «Год кометы» (2014).

цвет исследований мифопоэтики и массовый характер обращения к мифологическим сюжетам и мотивам в художественных произведениях начиная с произведений модернистов 1920-х гг. [Руднев, 1999, с. 184]. По мнению Е.М. Мелетинского, пафос мифологизма литературы XX в. заключается в выявлении «неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [Мелетинский, 2000, с. 295].

Повествование в «Пределе забвения» обнаруживает отчетливые мифопоэтические черты. Речь идет о попытке самостоятельного мифологизирования, однако повествование вбирает в себя и переосмысленные готовые мифологемы. Авторский миф становится концепцией, помогающей осмыслить историю бытования памяти о репрессиях в поколениях, которые не были затронуты ими непосредственно. Одновременно он указывает на путь преодоления этой исторической травмы. Об обращении к поэтике мифа в своем романе автор прямо говорит в одном из интервью [Друзья ... , 2016].

Структура создаваемого в «Пределе забвения» авторского мифа оказывается довольно прямолинейна. Его сюжет может быть сведен к следующей формуле: старец поработает ребенка, ребенок вырастает и, совершая подвиг, освобождается из-под тяготеющей над ним власти старца. В экспозиции романа обрисована тесная эмоциональная связь внука и неродного деда. Она основана на инстинктивном отвращении, ужасе перед тайной, которую скрывает старик. Над внуком тяготеет «порождающее рабство» [Лебедев, 2011, с. 34]. Внук оказывается обязан деду своим рождением (тот отговаривает мать героя от аборта). После нападения на мальчика бешеного пса дед настаивает на переливании ребенку своей крови и, таким образом, окончательно приобщает внука своему миру. Образ деда, властного слепого старика, отсылает к готовой мифологеме, которую К.Г. Юнг закреплял за коллективным бессознательным, – архетипу «мудрого старца» в его негативной репрезентации [Jandl, 2020, с. 165].

Дед ни разу не называется в романе по имени, а именуется исключительно «Вторым дедом». Это провоцирует аллегорическое толкование и позволяет трактовать эту фигуру как общего символического предка, узы родства с которым распространяются на всех современников. В авторский миф закладывается аллегорическая

основа, которой лишены подлинные архаические мифы в первобытной культуре. За образами деда и внука проступает собирательный портрет преступников сталинской эпохи и современников героя, осознающих необходимость взять на себя ответственность за историческое прошлое страны.

Поколение «отцов» при этом оказывается исключено из рассмотрения, оказывается обойдено молчанием как не способное взять на себя задачу по работе с прошлым или не справившееся с ней. Мотив «потерянного второго поколения» (А. Эткинд) уже возникал в отечественной прозе XX–XXI вв., посвященной теме репрессий. Как указывает А. Эткинд, он появляется у А. Битова в романе «Пушкинский дом» (1987), где младший Одоевцев демонстративно отвергает своего слабовольного отца, предпочитая общение с прошедшим ГУЛАГ дедом. Далее этот мотив обнаруживает себя в романе Д. Быкова «Оправдание» (2001), герой которого одержим памятью о деде, пострадавшем в годы репрессий [Эткинд, 2018, с. 285–286]¹.

Фигура Второго деда обретает в повествовании демонические черты, дорастая до образа злого демиурга. Эта роль особенно хорошо видна в рассказе о гибели сына Второго деда – притче, повествующей о судьбе «потерянного второго поколения». Отбирая у семилетнего сына деревянную свистульку, подаренную одним из заключенных (символ искусства – иной, внелагерной реальности), вместо нее отец дарит мальчику макет лагеря в натуральную величину. Макет он принуждает выполнить того же резчика. Мальчик разбивает подарок в щепки. Отец велит восстановить макет и в итоге оказывается виновником смерти собственного сына: не выдержав давления ребенок убегает из дома и оказывается погребенным в лагерном карьере.

Мифологизм отчетливо проявляет себя на сюжетном уровне. Герой-рассказчик выступает в роли мифологического культурного героя, совершающего подвиг. Он в одиночку отправляется в странствие-путешествие, чтобы восстановить память о преступлениях деда. Сначала он ведет поиски в провинциальном архиве и беседует

¹ И. Урюпин и М. Жукова рассматривают обращение к опыту дедов как выраженную тенденцию в русской литературе 2010-х гг., посвященной исторической памяти [Urupin, Zhukova, 2020].

с людьми, а затем, в финале романа, пускается в одиночное плавание и попадает на остров мертвых. В описании этого последнего путешествия смыкаются сон и явь. Герой хоронит непогребенных мертвецов, роя им «могилу – в могиле». Это символическое действие освобождает его от уз родства с предком. «Этой крови больше нет во мне», – сообщает «я»-рассказчик в финале романа [Лебедев, 2011, с. 286].

Выступающее кульминационной точкой произведения путешествие отсылает читателя к «Одиссее» Гомера. Рассказ о царстве мертвых в произведении встречается дважды. Сперва Цирцея велит герою у входа в Аид выкопать яму и совершить жертвоприношение, чтобы почтить души умерших (песнь X), а затем Одиссей сам повествует о том, как роет яму шириной и глубиной в локоть и к проливаемой над ней жертвенной крови слетаются души простившихся с жизнью людей (песнь XI) [Гомер, 2000]. Этот сюжет автор романа сам упоминает в связи со своей книгой в одном из интервью [Друзья ... , 2016].

Среди прочих душ Одиссею является и душа непогребенного товарища Эльпенора, прося о достойном погребении тела. В «Пределе забвения» неуспокоенные мертвецы обращаются к герою-повествователю с немой мольбой о признании. Символическое погребение и чествование памяти жертв на острове мертвых, которое осуществляет герой, предстает гармонизирующим хаос актом, нисхождение в царство мертвых – частью инициатического обряда. Связь обряда инициации с посещением царства мертвых и отражение этого сюжета у первопроходцев в области поэтики мифологизирования в литературе XX в. – Дж. Джойса и Т. Манна – описывал, в частности, Е.М. Мелетинский [Мелетинский, 2000, с. 313]. Отыскав жертв деда, воздав честь их памяти и выбравшись из воронки, герой выполняет предназначение и закрывает для себя этап жизни, связанный со своим предком. Время в романе оказывается завершенным временем мифа: повествование завершается вместе с исполнением предназначения.

Заключение

Роман Лебедева продолжает линию т.н. «лагерной прозы» в русской литературе, представленной произведениями В. Шаламова и А.И. Солженицына. Однако документальность и историзм «лагерной прозы» уступают у Лебедева мифологическому осмыслению реальности. С развитием сюжета наблюдается изменение стиля повествования: по мере приближения рассказчика к острову мертвых мифологические структуры проявляют себя все отчетливее, а реалистическая манера повествования уступает место ассоциативному сцеплению эпизодов в технике потока сознания. В подобном подходе читается осознанная попытка дистанцироваться от традиций «лагерной прозы», написанной очевидцами, и найти способы повествования об исторической травме, органичные для тех, кто не является ее свидетелем. О подобных поисках пишет также И. Лунде [Lunde, 2020, p. 196].

Повествование в «Пределе забвения» обнаруживает выраженное прагматическое измерение. Во-первых, речь идет о мемориальной функции, которую выполняет произведение: «Этот текст – как памятник, как стена плача, если мертвым и оплакивающим негде встретиться, кроме как у стены слов – стены, соединяющий мертвых и живых» [Лебедев, 2011, с. 16]. Во-вторых, текст призван выполнить терапевтическую функцию. Она оказывается непосредственно связана с помещением в центр повествования фигуры преступника. В одном из интервью писатель говорит об этом прямо: «При всей множественности образа жертв тот, кого можно назвать палачом, убийцей, остался фигурой без лица. <...> Процесс освобождения как раз и состоит в том, чтобы наделить его плотью, характером, воззрениями. Освобождение – когда ты осознаешь: не безличные силы истории все это совершали, а вот этот конкретный человек» [Лебедев, 2013]. Подобная писательская установка отсылает к идее «терапевтического забвения», описанной Алейдой Ассман [Ассман, 2019, с. 56]. Примеры подобного процесса Ассман видит в акте катарсиса, когда инсценирование трагического события на театральных подмостках позволяет вновь пережить тяжелое прошлое и тем самым преодолеть его, и в работе фрейдистского психоанализа, возвращающей травматический эпизод в сознание именно с тем, чтобы в дальнейшем избавиться от него [там же, с. 57].

Список литературы

- 1933 год : Назинская трагедия. Из истории земли Томской. Документальное научное издание / Сибирское отделение РАН, Институт истории и др. ; сост. С.А. Красильников ; под ред. Б.П. Тренина. – Томск : Водолей, 2002. – 222 с.
- Архипова А.С., Кирзюк А.А.* Опасные советские вещи : городские легенды и страхи в СССР. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 532 с.
- Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.
- Вьюгин В.Ю.* Вежливые людоеды и грубые антропофаги : СССР, до и после (к истории одной социальной метафоры) // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 6. – С. 42–63.
- Гомер.* Одиссея / изд. подгот. В.Н. Ярхо ; пер. В. Жуковского. – Москва : Наука, 2000. – 482 с.
- Друзья : Николай В. Кононов – Сергей Лебедев // Colta [электронный ресурс]. – 2016. – 21.12. – URL: <https://www.colta.ru/articles/society/13431-druzya-nikolay-v-kononov-sergey-lebedev> (дата обращения: 10.04.2021).
- Жербер Ж., Эртнер Е.Н.* Природа как «место памяти» в русской прозе о ГУЛАГе // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 120–133.
- Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : утв. распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г., № 1561-п. – URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 10.04.2021).
- Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское Средневековье / пер., коммент. Д.С. Колчигина ; под ред. Ф.Б. Успенского. – 2 изд. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2021. – Т. 1. – 560 с.
- Лебедев С.* «Страна была инфицирована насилием во время гражданской войны. И Сталин этим воспользовался» [интервью] // Реальное время [электронный ресурс]. – 2017. – 22.10. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/79210-sergey-lebedev-o-vozvelichivanii-stalina-i-literature> (дата обращения: 20.03.2021).
- Лебедев С.* Сюжеты умолчания в Германии и России, или Немецкий успех Сергея Лебедева [интервью] // Deutsche Welle [электронный ресурс]. – 2013. – 23.10. – URL: <https://www.dw.com/ru/сюжеты-умолчания-в-германии-и-россии-или-немецкий-успех-сергея-лебедева/a-17158188> (дата обращения: 10.04.2021).
- Лебедев С.* Год кометы : роман. – Москва : Центр книги Рудомино, 2014. – 288 с.
- Лебедев С.* Опасность отчасти и состоит в том, что никто не может дать определение «опасного» : интервью // Сноб [электронный ресурс]. – 2016. – 21.05. – URL: <https://snob.ru/selected/entry/108587/> (дата обращения: 01.04.2021).
- Лебедев С.* Предел забвения : роман. – Москва : Первое сентября, 2011. – 286 с.
- Липовецкий М.* Родина-жуть // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 1. – С. 248–256. – Рец. на кн.: Степанова М. Проза Ивана Сидорова : поэма. – Москва : Новое издательство, 2008. – 72 с.

- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – 3-е изд., репринтное. – Москва : Восточная литература, 2000. – 407 с.
- Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. – Москва : Аграф, 1999. – 384 с.
- Сергей Лебедев. Страница автора на сайте издательства Corpus [электронный ресурс]. – URL: <https://www.corpus.ru/authors/sergej-lebedev.htm> (дата обращения: 10.03.2021).
- Соколова Е.В.* «Освоение прошлого» в литературе современной Германии : аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел литературоведения ; отв. ред. Цурганова Е.А. – Москва : ИНИОН РАН, 2016. – 107 с.
- Урицкий А.* Текст и правда // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 2. – С. 229–231.
- Эппле Н.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 576 с.
- Эткнд А.* Кривое горе. Память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 328 с.
- Caruth C.* Unclaimed experience : trauma, narrative, and history. – Baltimore : Johns Hopkins univ. press, 1996. – 168 p.
- Felman Sh., Laub, D.* Testimony : crises of witnessing in literature, psychoanalysis and history. – New York : Taylor&Francies, 1992. – 312 p.
- Frieß N.* An der Grenze des Vergessens – «Predel zabvenija» // Frieß N. «Inwiefern ist das heute interessant?» Erinnerungen an den stalinistischen Gulag im 21. Jahrhundert. – Berlin : Frank&Timme, 2017. – S. 294–322.
- Gerber J.* Traces autobiographiques dans les récits des camps : «la voix au pluriel» de l'écrivain // Tyumen state university herald. Humanities research. Humanitates. – 2019. – Vol. 5, N 3(19). – P. 84–99.
- Heinritz A.* Burying the undead : coming to terms with the Soviet past in novels by Olga Slavnikova and Sergei Lebedev // Acta universitatis Carolinae studia territorialis. – 2017. –Vol. 17, N 2. – P. 59–78.
- Holdenried M.* Autobiographie. – Stuttgart : Reclam, 2000. – 301 S.
- Jandl I.* Das Leben im Spiegel der Großväter. Postmemory vor dem Hintergrund von Emotion und subjektiver Prägung anhand von Sergej Lebedev und Aleksandr Čudakov // Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur zum ost, ostmittel- und südosteuropäischen Raum / Hrsg. von Droshin Y., Jandl I. [u.a.]. – Berlin : Frank&Timm, 2020. – S. 153–170.
- Lunde I.* The incarnation of the past : Sergei Lebedev's poetic of memory // The cultural is political. Intersections of Russian art and state politics / ed. by I. Anisimova, I. Lunde. – Bergen : Univ. of Bergen, 2020. – P. 177–199.
- Urupin I., Zhukova M.* Zu Poetiken des Transgenerationalen in der russischen Literatur der 2010 er Jahre : Sergej Lebedev, Guzel' Jachina, Marija Stepanova // Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur zum ost, ostmittel- und südosteuropäischen Raum / Hrsg. von Droshin Y., Jandl I. [u.a.]. – Berlin : Frank&Timm, 2020. – S. 223–240.

References

- Trenin, B.P. (Ed.). *1933 god: Nazinskaya tragediya. Iz istorii zemli Tomskoy (2002). Dokumental'noe nauchnoe izdanie.* Tomsk: Vodoley.
- Arkhipova, A.S., & Kirzyuk, A.A.. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – odezhimost' istoriey.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vlugin, V. Yu. (2014). Vezhlyvye lyudoedy i grubye antropofagi: SSSR, do i posle (k istorii odnoy sotsial'noy metafory) [Polite man-eaters and rude antropophagi: ussr, before and after. Toward a history of a social metaphor]. *Etnograficheskoe obozrenie.* (6), 42–63.
- Gomer. (2000). *Odisseya.* Moscow: Nauka.
- Kononov N.V., & Lebedev S. (2016, December 21). *Druz'ya: Nikolay V. Kononov – Sergey Lebedev.* Retrieved from: <https://www.colta.ru/articles/society/13431-druzya-nikolay-v-kononov-sergey-lebedev>
- Zherber, Zh., Ertner, E.N. (2018). Priroda kak «mesto pamyati» v russkoy proze o GULAGE [Nature as a “memory place “in Russian prose of the Gulag]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanities,* 4(4), 120–133. doi:10.21684/2411–197 X-2018–4–4–120–133
- Kontseptsiya gosudarstvennoy politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressiy. (Approved on Aug. 15, 2015, Order of the Government of Russian Federation № 1561-r.). Retrieved from: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
- Kurtsius, E.R. (2021). *Evropeyskaya literatura i latinskoe Srednevekov'e* (Vol. 1). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
- Lebedev, S. (2017, October 22). «Strana byla infitsirovana nasiliem vo vremya grazhdanskoy voyny. I Stalin etim vospol'zovalsya» (Interview). *Real'noe vremya.* Retrieved from: <https://realnoevremya.ru/articles/79210-sergey-lebedev-ovozvelichivani-stalina-i-literature>
- Lebedev, S. (2013, October 23). *Cyuzhety umolchaniya v Germanii i Rossii, ili Nemetskiy uspekh Sergeya Lebedeva.* Germany: Deutsche Welle. Retrieved from <https://www.dw.com/ru/cyuzhety-umolchaniya-v-germanii-i-rossii-ili-nemetskiy-uspekh-sergeya-lebedeva/a-17158188>
- Lebedev, S. (2014). *God komety.* Moscow: Tsentr knigi Rudomino.
- Lebedev, S. (2016, May 21). Opasnost' otchasti i sostoit v tom, chto nikto ne mozhet dat' opredelenie «opasnogo». *Snob.* Retrieved from: <https://snob.ru/selected/entry/108587/>
- Lebedev, S. (2011). *Predel zabveniya.* Moscow: Pervoe sentyabrya.
- Lipovetskiy, M. (2008). *Rodina-zhut'.* [Review of the book *Proza Ivana Sidorova: Poema*, by M. Stepanova]. *Novoe literaturnoe obozrenie,* (1), 248–256.
- Meletinskiy, E.M. (2000). *Poetika mifa* (3 ed.). Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN.
- Rudnev, V.P. (1999). *Slovar' kul'tury XX veka.* Moscow: Agraf.

- Sergey Lebedev. *Stranitsa avtora na sayte izdatel'stva Corpus*. (2021). Retrieved from: <https://www.corpus.ru/authors/sergej-lebedev.htm>
- Sokolova, E.V. (2016). «Osvoenie proshlogo» v literature sovremennoy Germanii. Moscow: RAN. INION.
- Uritskiy, A. (2009). Tekst i Pravda. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (2), 229–231.
- Epple, N. (2020). *Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Etkind, A. (2018). *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Caruth, C. (1996). *Unclaimed experience: Trauma, narrative, and history*. Baltimore: The Johns Hopkins University.
- Felman, Sh., & Laub, D. (1992). *Testimony: Crises of witnessing in Literature, psychoanalysis and history*. New York: Taylor & Francies.
- Frieß, N. (2017). An der Grenze des Vergessens – «Predel zabvenija». In N. Frieß, „Inwiefern ist das heute interessant?“ *Erinnerungen an den stalinistischen Gulag im 21. Jahrhundert* (pp. 294–322). Berlin: Frank&Timme.
- Gerber, J. (2019). Traces autobiographiques dans les récits des camps: «La voix au pluriel» de l'écrivain. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities*, 5(3/19), 84–99.
- Heinritz, A. (2017). Burying the undead: Coming to terms with the Soviet past in novels by Olga Slavnikova and Sergei Lebedev. *Acta universitatis Carolinae – Studia territorialia*, 17(2), 59–78. doi: 10.14712/23363231.2018.4
- Holdenried, M. (2000). *Autobiographie*. Stuttgart: Reclam.
- Jandl, I. (2020). Das Leben im Spiegel der Großväter. Postmemory vor dem Hintergrund von Emotion und subjektiver Prägung anhand von Sergej Lebedev und Aleksandr Čudakov. In Y. Droshin & I. Jandl (Eds.), *Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur zum ost, ostmittel- und südosteuropäischen Raum* (pp. 153–170). Berlin: Frank & Timm.
- Lunde, I. (2020). The incarnation of the past: Sergei Lebedev's poetic of memory. In: I. Anisimova & I. Lunde (Eds.), *The cultural is political. Intersections of Russian art and state politic* (pp. 177–199). Bergen: Univ. of Bergen.
- Urupin I., & Zhukova M. (2020). Zu Poetiken des Transgenerationalen in der russischen Literatur der 2010 er Jahre: Sergej Lebedev, Guzel' Jachina, Marija Stepanova. In: T. Droshin & I. Jandl (Eds.), *Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur zum ost, ostmittel- und südosteuropäischen Raum* (pp. 223–240). Berlin: Frank & Timm.